

Татьяна
УСТИНОВА

Колодец
забытых желаний

МОСКВА

Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг	Колодец забытых желаний
Большое зло и мелкие пакости	От первого до последнего слова
Хроника гнусных времен	Жизнь, по слухам, одна!
Одна тень на двоих	Там, где нас нет
Подруга особого назначения	Третий четверг ноября
Развод и девичья фамилия	Тверская, 8
Персональный ангел	На одном дыхании!
Пороки и их поклонники	Всегда говори «Всегда»
Миф об идеальном мужчине	Сразу после сотворения мира
Мой генерал	Где-то на краю света
Первое правило королевы	Сто лет пути
Седьмое небо	Ковчег Марка
Запасной инстинкт	Чудны дела твои, Господи!
Богиня прайм-тайма	Шекспир мне друг, но истина дороже
Олигарх с Большой Медведицы	Вселенский заговор
Близкие люди	Вечное свидание
Закон обратного волшебства	Ждите неожиданного
Дом-фантом в приданое	Селфи с судьбой
Саквояж со светлым будущим	Земное притяжение
Пять шагов по облакам	Призрак Канта
Гений пустого места	Звезды и Лисы
Отель последней надежды	Девчонки, я приехал!

Сериал «Сценарии судьбы Тонечки Морозовой»

Серьга Артемиды
Пояс Ориона
Камея из Ватикана

Сериал «Писательница Маня Поливанова»

С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Судьба по книге перемен
Роковой подарок
Тени южной ночи

Татьяна
УСТИНОВА

Колодец
забытых желаний

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Редактор серии *А. Антонова*
Дизайн обложки *Н. Каптыкиной*

Устинова, Татьяна Витальевна.
У80 Колодец забытых желаний : [роман] / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших).

ISBN 978-5-04-240125-1

Вот сейчас, в этот самый миг, в это самое мгновение, когда он должен принять судьбоносное решение, Олег Петрович испугался. Испугался и подумал: зачем ему это нужно?! Эта женщина, эта новая жизнь?! Но события последних дней все перевернули, все поставили с ног на голову... Икона с ликом Преподобного Серафима Саровского, которая словно сама попала к нему в руки, кража из музея уникальной демидовской коллекции, убийство его старого приятеля антиквара Василия Дмитриевича... Ясно как божий день — все это было предопределено. Предопределено кем-то свыше. Кем-то, кто послал ему на жизненном пути эту женщину...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-240125-1

© Устинова Т.В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

«...О, как много попыток, как мало проку. Это значит, придется мне вам и вашему королю в сотый раз показывать этот фокус. Запускать во Вселенную мелкую крошку из ваших тел, низводить вас до статуса звездной пыли. То есть можно подумать, что мне приятно. Я не хотел, но не я виноват, что вы все забыли! Раз-два-три. Посчитать расстояние по прямой. Небольшая вспышка в точке прицела. До чего надоело, господи боже мой. Не поверишь, боже, как надоело».

*Дмитрий Быков.
Двенадцатая баллада*

Глухим звоном, как из подполья, вдруг зашелся телефон, и Василий Дмитриевич, пробормотав: «Простите великодушно, юноша», проворно потрусил в полумрак, куда не доставал желтый свет лампочки.

Олег неторопливо перевернул икону и взглянул на нее с обратной стороны, хотя все равно ничего особенного не высмотрел бы — в иконах он совсем не разбирался. Но именно в этой была какая-то странность, причем не простая, а радостная странность, иначе он не мог ее определить. Лик был светел, и от него не хотелось отводить глаз. Олегу вдруг подумалось, что радость исходит именно от лика. Пожалуй, он даже чувствовал ее, как тепло.

Удивительно.

В пахнувшей пылью и мышами глубине что-то стукнуло, по-немецки пробормотали: «Atzend» (дуррак, козел), телефонные трели оборвались, и Василий Дмитриевич сказал солидно:

— У аппарата.

Собственно, Олегу ничего не было нужно, и зашел он просто так. Он любил старика, а тут вдруг сре-

ди бела дня оказался на Фрунзенской набережной, как не зайти!.. Прислушиваясь к разговору и по опыту зная, что беседа может затянуться очень надолго, Олег аккуратно поставил икону на богатый секретер, который он на глаз определил как недурную подделку под модерн, и стал пробираться к выходу.

На пути ему попались китайские вазы, «Ундервуды», два дивных портрета — на одном прекрасная дама на летней веранде, глаза возведены к небу, в пухлых руках груди незабудок, а на другом Сталин в окружении колхозной детворы, — несколько парчовых кресел с вытертой обивкой, напольные часы без стрелок, как пить дать из салона Анны Павловны Шерер, и еще много всякого разного, в чем он так любил копаться, когда у него было время!..

Он дошел почти до заваленного бумагами и всяким старьем письменного стола, за которым обычно сидел Василий Дмитриевич и читал под зеленой лампой толстую засаленную книгу, помедлил и оглянулся на поддельный модерн с оставленной иконкою.

Нужно забрать, вдруг сказал кто-то у него в голове. Забрать и отдать кому-нибудь, кто понимает, чтобы посмотрели и оценили. А вдруг это подлинник?..

— Голубчик вы мой, — бормотал за ширмой Василий Дмитриевич, — да где же я вам возьму второй точно такой же?! Этому торшеру черт знает сколько лет, черт знает сколько!.. А плафон я вам заказал, заказал, голубчик! Вася к среде не обещал, но сказал, что на следующей неделе уж точно!.. Нет, нет, и супруге вашей передайте, что плафон будет в точности... Да где же мы с вами достанем второй?! Нет, я очень уважаю вашу супругу, но где же?!

Олег сунул руки в карманы джинсов, пошевелил там пальцами, вынул и еще раз оглянулся на икону.

Да. Странно.

...или на самом деле забрать?

Зачем? Он ничего не понимает в иконах и даже специалистов никаких не знает!..

У порога звякнул меланхоличный колокольчик, проскрипели замороженные петли тяжелой двери, и по каменному полу процокали каблучки.

Девушка сощурилась в полутьме, поизучала его, улыбнулась и сказала негромко:

— Привет.

— Привет, — согласился Олег.

— Я пришла, — объявила девушка, — как договаривались, после двух!

— Я рад, — сказал Олег, не найдя ничего лучшего.

Она поводила головой, разматывая шарф, локоны падали ей на щеки, и она досадливо смахивала их рукой в перчатке.

— Ужас, — воскликнула она, сняв шарф, — ну и мороз!.. Градусов триста!

Она сунула шарф ему в руки, и он его принял, а девушка стянула перчатки и протянула ладошки к раскаленному рылу допотопного рефлектора, который среди прочих нужных вещей был помещен на столе у Василия Дмитриевича.

— Тепло, хорошо, — сказала она весело. — А как вас зовут?

— Олег Петрович.

От ее шарфа пахло духами и улицей, и мех щеко-тал ладонь, и Олег никак не мог придумать, куда бы его деть.

— Значит, Олег, — подытожила девушка. — Называть вас по отчеству я не буду. А мое имя Виктория.

Олег не понял, почему она не будет называть его

по отчеству, хотя именно так его называет большинство знакомых, но слегка поклонился.

— Ну, показывайте! — велела Виктория. — Я так давно жду! Вам ведь наверняка Василий Дмитрич оставил все инструкции. Кстати, а где он сам?..

Олег помолчал, а потом принял решение.

Он пристроил пахнущий духами шарф на крюк поверх потертой, выгоревшей и довольно пыльной кепки с надписью «Динамо», заглянул за ширму и сказал громко:

— Василий Дмитриевич! Тут к вам прекрасная барышня! Говорит, что вы должны были оставить мне инструкции!..

Старик пробормотал по-немецки: «Blödsinn»¹, зажал желтую телефонную трубку большой рукой и стал делать Олегу знаки лицом.

— Я не понимаю ничего, — громко и весело признался тот. — Вы мне словами скажите!

— Да пойдите же, пойдите к ней, — прошипел Василий Дмитриевич и локтем подтолкнул Олега Петровича. — Ну, покажите ей что-нибудь!

— Василий Дмитриевич! Вы где? — позвала сзади прелестная барышня Виктория. — Я пришла!..

— Она пришла, а у меня ничего! А она платит!.. Большие деньги! — телеграфно выстукивал Василий Дмитриевич на ухо Олегу. От его фуфайки несло нафталином, табаком и кофе. — Займите ее! Только пусть не уходит! Давайте, вы должны ее очаровать!

— Васи-илий Дмитриевич!

Старик прокричал в телефон, который шмелиным басом гудел у него в ухе:

¹ Глупость, идиотство, чепуха (нем.).

— Да, голубчик мой, да! Сейчас! — И опять зажал трубку.

— А что хоть она просила-то?! — тревожным шепотом спросил Олег.

— Ах, ну что они все нынче просят! Стулья из дворца! Непременно кресло и непременно гамбса! Давайте, идите! Покажите ей секретер! — И снова в телефон: — Голубчик вы мой, да где же я вам возьму второй точно такой же, даже любя вашу супругу более самого себя?!

Олег вышел из-за ширмы и оценивающе посмотрел на девушку.

Локоны, распахнутая шуба, замшевый жакет, каблучки. Ногти — лепестки, щечки — пионы.

— Ну?! — спросила она весело. — И что дальше?!

— Посмотрим, — ответил Олег Петрович уклончиво. — Только никакого гамбса у Василия Дмитриевича, конечно, нет, а я уполномочен показать вам секретер. Хотите?

— Как нет?!

Он удивился, что она до сих пор не догадалась.

— Да вот так. Не повезло вам.

— Ну, он же обещал! — беспомощно вскрикнула Виктория. — Мне так нужно! Мне для мамы нужно, не себе! У нее ремонт заканчивается!

— Хотите, покажу секретер?

— Ах, зачем мне секретер?! Он же обещал кресло, и именно гамбсоновское!

Олегу вдруг стало ее жалко.

— Ну, ведь Василий Дмитриевич не сам их делает! Он же не Гамбс!

Виктория посмотрела на него подозрительно.

— Смеетесь?

— Ну, вот не Гамбс и не Гамбс, — повторил Олег

Петрович. — Итак, или секретер, или мне придется откланяться и вверить вас заботам Василия Дмитриевича, хотя он и не Гамбс!

— Подождите, — сказала она с недоумением, — а разве вы здесь не работаете?

Олег Петрович признался, что работает совершенно в другом месте.

— А зачем вы мне тогда столько времени голову морочите?!

Олег Петрович решительно отказался от того, что он в принципе может морочить голову такой прекрасной барышне.

— А тогда вы кто?

Олег Петрович поинтересовался, в каком смысле «кто», а Виктория окончательно рассердилась и повернулась к нему спиной.

Игра неожиданно стала его увлекать, да и девушка на самом деле была красивой. Красивой и забавной.

— Извините меня, — сказал он с известным раскаянием в голосе. — Я правда здесь не работаю, я просто дружу с Василь Дмитричем и иногда к нему заезжаю. У него действительно нет сейчас никакого гамбса, хотя, быть может, он вам его и обещал.

— Но ведь...

— Ну нету! — перебил Олег и развел руками. — Хотите посмотреть секретер? Подделка, конечно, но очень хорошая!

Он и сам толком не знал, чего именно ему больше хочется — развлекать барышню или вернуться к оставленной иконе.

Виктория пожала плечами под легкой шубкой и посмотрела на Олега оценивающе.

Да. Ничего такого, что можно было бы оценить в положительном смысле. Одеваться он не умел и не

любил. Следуя за ее изучающим взглядом, он осмотрел свои джинсы — джинсы как джинсы, не слишком новые, но любимые, — черный свитер грубой шерсти с полосой на животе и ботинки на толстой подошве.

— Олег Петрович, Олег Петрович, — сокрушаясь, часто повторял Гена Березин, его водитель, — мне бы ваши возможности да ваши денежки, я бы выглядел, как Микки Рурк!

Олег Петрович всегда в таких случаях представлял себе Гену с набриолиненным пробором, в ботинках на босу ногу, пиджаке на голое тело и с гарденией в петлице, и разговор о моде как-то сам собой увядал.

Должно быть, джинсы и свитер Виктории тоже не внушили никаких оптимистических надежд, потому что она стала изучать его лицо.

Лицо у него тоже так себе, Олег знал это совершенно точно. Кроме того, он рано начал лысеть и уже много лет брился наголо, что общей красоты ему решительно не добавляло.

Вот так возьмешься произвести впечатление на барышню, распушишь хвост, встопорщишь перья, как-то даже притопнешь молодцевато, словно парубок на гулянье, а тут раз — череп лысый, рожа небритая, ботинки так себе, джинсы посредственные, на пузе полоса. И что дальше?..

Виктория еще какое-то время смотрела на него почти с отвращением, потом вздохнула тихонько и сказала обреченно:

— Ну, пойдете, что ли! Показывайте ваш секретер. Хотя он мне совершенно, совершенно не нужен!

Мимо «Ундервуда», динамовской кепки, скрытой под ее норковым шарфом, мимо китайских ваз, Сталина в окружении детворы и дамы в окружении незабудок они добрались до секретера, на котором свет-

лым ликом сияла давешняя иконка, и уставились на него.

Собственно, Олег смотрел на икону, а Виктория на секретер.

Что такое, думал он напряженно. Почему меня тянет взять икону в руки и больше никогда и никому ее не отдавать?! Может, так и сделать, и шут с ней, с экспертизой?..

Что такое, думала она расстроено. Почему нет кресла, маме так хотелось, и я ей обещала, и этот старый хрыч сказал, что достанет! Ну, не в Лондон же лететь, на самом деле! Нет, можно и слетать, но контейнер оттуда придет неизвестно когда, а маме хочется именно сейчас! И еще этот бритый привязался! Можно подумать, что он мне пара!..

— Ну вот, собственно, — промямлил Олег и указал рукою на секретер. — Это не модерн, конечно, но вполне может стать, что в похожем секретере хранил свои рукописи Осип Мандельштам или... или...

— Анна Ахматова, — мрачно подсказала Виктория.

— Ну, это скорее мужская мебель, чем женская, но почему нет?.. Почему, собственно, не Анна Андреевна?..

— Да потому что мне не нужен секретер, а нужно кресло!

Щеки у нее еще горели с мороза, и она была розовая, хорошенькая, вкусно пахнущая. И тут Олег Петрович все придумал.

— Слушайте, — сказал он, — давайте начнем все сначала. Как будто вы не приняли меня за приказчика, а я вам вовсе не хамил. Я приглашаю вас на... — Он отогнул манжету своего рыбацкого свитера и посмотрел на часы. Во-первых, потому, что так делал герой в

каком-то кино, приглашая на свидание героиню, а во-вторых, потому, что на пять у него была запланирована встреча, которую он отменить никак не мог, и необходимо было управиться. — На кофе с бутербродами.

— Меня?! — поразилась Виктория.

Он помолчал.

— Если бы я хотел пригласить Василия Дмитриевича, то сделал бы это заранее.

Лицо у нее стало насмешливым, и он совершенно точно знал, о чем она думает.

Конечно, ты мне не пара. Конечно, я тебе нравлюсь, я красавица, а ты урод. Конечно, тебе до смерти хочется показаться со мной на людях. Но я сейчас тебе откажу. И я не понимаю, как ты вообще решился!.. А впрочем, день все равно испорчен! Кресла-то нету!..

— Ну... хорошо, — сказала она, запнувшись именно там, где нужно, и именно так, как нужно. — У меня есть полчаса, раз уж так вышло!.. А вы знаете где-нибудь поблизости приличное место?

Олег Петрович знал поблизости много разных мест — разных как раз по степени приличия и неприличия, — но особенно разгоняться не стоило. В пять встреча, и вообще он видит ее первый раз в жизни!

— За углом чудесная французская кофейня. Называется «Кадо». Вы знаете, что означает это слово?

— Подарок, — буркнула девушка, и Олег Петрович порадовался, что не ошибся. Мало того, что хорошенькая, еще и по-французски говорит. А может, и не говорит, так, нахваталась где-нибудь!..

Аккуратно и чуть брезгливо неся полы шубки над пыльной рухлядью, она пробралась к выходу, а Олег Петрович помедлил и взял с секретера икону. Старец

смотрел теперь прямо на него, и ему показалось, что одобрительно.

Господи, что за чепуха! Blödsinn, сказал бы Василий Дмитриевич, любивший крепкие немецкие словечки.

— А это что такое?

— Где?

— Да у вас в руках.

Олег не понял вопрос.

— Икона. Вы разве не видите?

— Да уж вижу, — сказала Виктория с сарказмом. — А вы что? Православный любитель икон?

— В какой-то степени, — пробормотал Олег, — в какой-то степени любитель.

— Дайте посмотреть.

Выпускать икону из рук Олегу не хотелось. Ну вот совсем не хотелось!.. И он просто повернул ее ликом к девушке. Она глянула насмешливо.

— Что это вы в нее так вцепились? Боитесь, что отниму?

Он пожал плечами. С ним уже давно — сто лет! — никто не разговаривал в таком тоне, и он... терялся немного.

За ширмой продолжали бормотать, и время от времени слышались немецкие ругательства.

— Василий Дмитриевич, мы пошли! — громко сказал Олег в сторону ширмы. — До свидания!

— Голубчик, простите великодушно, но как раз привезли ваш плафон, — залихватски соврал старик за ширмой, и Олег улыбнулся. — Да, да, непременно перезвоню, голубчик! Непременно! Как только увижу своими глазами, так сей же момент перезвоню!..

— Ну, дайте мне уже мой шарф, — приказала

Виктория. — Или вы думаете, я сама буду его оттуда... стягивать?

— Да, да, всенепременнейше, голубчик, а супруге передайте поклон и уважение и уверения во всяческом...

— Держите ваш шарф, и где-то здесь была моя куртка...

— Вон на стуле что-то валяется, это не она?

— Вы не поверите, но как раз она.

— Да, да, голубчик вы мой, вынужден прервать, чтобы бежать. Плафон, знаете, вещь хрупкая...

Олег натянул куртку, не выпуская из рук икону. Ну, вот не хотелось ему ее выпускать!..

— Василий Дмитриевич, мы пошли! Прекрасную барышню я у вас забираю! — Он почти выговорил «похищаю», но в последний момент чувство юмора все же вмешалось и не позволило так уж напрямую следовать законам жанра.

— Нет, нет, постойте! Ради бога, простите!.. Нет, это я не вам!

— А икону я возьму, покажу специалистам, — негромко продолжил Олег, заглядывая за ширму. Старик посмотрел на него несчастными глазами и попилил рукой по синему шарфу, который был намотан у него на шею. Олег еще понизил голос. — Да я все понимаю, и она все понимает и не обижается! Выгодно-го клиента вы не потеряете, я вам точно говорю. Икону на следующей неделе привезу.

— Да, да, да, только вы уж с девушкой поласковее, Олег Петрович! Платит много! Хорошая девочка и платит много!..

После полумрака антикварной лавки свет морозного дня показался Олегу ослепительным, почти не-

выносимым. В лицо дохнуло холодом с реки, он прищурился, и глаза сразу заслезились.

Виктория, поправляя на носике темные очки, посмотрела на него насмешливо.

— Ну, и где это ваше «Кадо»?

— Да вот направо и за угол. — Он вытер глаза, созная, что выглядит не очень, и показал рукой, куда именно.

— Мы что?! — спросила Виктория. — Пешком пойдем?! В такой мороз?!

Олег открыл глаза, уже немного привыкшие к свету, набрал полную грудь мороза, с силой выдохнул и посмотрел на Нескучный сад на той стороне замерзшей реки. Сад стоял белый, торжественный, недвижимый, как немецкая рождественская декорация возле вертепа.

— Мы пойдем пешком, и вы вполне можете взять меня под руку, — сказал галантный Олег Петрович, согнув руку кренделем. — Это всего в двух шагах.

Краем глаза он видел свою машину и Гену, который, перегнувшись через руль, пристально на него смотрел.

Никаких подвохов со стороны Гены он не ожидал. Тот все сообразит правильно и окажется в нужное время в нужном месте, в этом можно не сомневаться. Они работали вместе уже много лет и никогда друг друга не подводили.

Раз хозяин ведет барышню за угол, да еще выставив локоть крендельком, значит, так нужно, значит, в машину он приглашать ее не изволит — у него свои планы. А мы потихонечку тронем, и никакая барышня нас не заметит!.. Мы дадим им отойти подальше и уж только потом тронем, и машинка у нас тихая, про-

крадется неслышно, а уж когда Олег Петрович выйдет — мы тут как тут!

Виктория брать своего новоявленного кавалера под руку не стала, опять зачем-то поправила на носу очки и раздраженно засемила рядом, а он еще раз взглянул на торжественный сад на той стороне реки, услышал, как аппетитно скрипнул снег под колесами его тяжелой машины, понял, что Гена Березин тронулся следом, и поудобнее пристроил икону под курткой.

— Итак, что у нас в программе? — лихо спросил он у Виктории и все же поддержал ее под локоток, когда она чуть-чуть споткнулась. — Горячий кофе и французский сливочный торт! Или вы любите шоколадный?

— Я вообще не ем никаких тортов.

— Напрасно! В Париже напротив Люксембургского сада есть чудесная кофейня, называется «Delvaux», там подают изумительные шоколадные тарталетки с вишней.

— А вы что? Бывали в Париже?

— Бывал, — признался Олег Петрович, — и не раз, Виктория! И в Париже бывал, и в кафе! Завсегда там французские старушки с фиолетовыми кудрями, старики в клетчатых пиджаках, ну и, разумеется, их бульдоги. И какое-то количество молодежи из Сорбонны, способной заплатить за кофе с пирожным сорок евро или около того.

— Господи боже мой, — пробормотала Виктория и пожала плечами. — Сорок евро, какая чепуха!..

— Не скажите, дорогая Виктория, не скажите, — развлекая себя, продолжал Олег Петрович, — может быть, для нас с вами это и чепуха, но для огромного большинства людей...

— Ах, какая мне разница! Если у человека нет денег, особенно у мужчины, он или туп, как пробка, или ничего не может, или слабак.

— Вы уверены? Вы совершенно уверены в этом, Виктория?

— Ну конечно! И какое мне может быть до них дело?! У моего папы есть деньги, и у всех его друзей есть, и у мамы тоже — папа ей дает! Па-адумаешь, сорок евро!

— То есть все до одного, кто не может потратить сорок евро на кофе, — сплошь слабаки и тупицы?

— Ну конечно! Если остальные могут, почему они не могут?

Он помолчал, потому что девушка неожиданно стала его раздражать, и рука, сложенная кренделем, утратила всякий смысл, и пионовые щечки потеряли привлекательность, и приключение превратилось в глупость.

Сорок евро?.. Сорок евро на кофе?..

И он опять прищурился на Нескучный сад на той стороне.

...денег не было. Денег не было никогда. Он писал статьи в научные журналы, во все подряд, и иногда ему давали гонорар. Долларов, может быть, тридцать, и это было счастье, праздник, сказка! Он ехал в Академию наук, подгадывая электрички так, чтобы успеть, пока открыта касса, расписывался в ведомости, которую подавала ему толстая насморочная женщина в шали. Он до сих пор помнил, как ее звали — Любовь Петровна, вот как. Шмыгая носом, она подвигала к нему бумагу, а он всегда ревниво изучал в разграфленных прямоугольниках другие фамилии, против которых были суммы, казавшиеся ему огромными, — некто Дынин должен был получить сто восемьдесят дол-

ларов тридцать семь центов. Как он тогда завидовал этому неведомому Дынину! Сто восемьдесят долларов, да еще тридцать семь центов, они-то откуда взялись?! Олег расписывался, и получал денюжки, и бережно складывал их в бумажник, где болтался рубль или два и мелочь в отдельном карманчике! Потом ехал домой, чувствуя себя богачом, миллионером, дельцом, доллары в кошельке придавали ему уверенности в себе и в том, что он все может, что он хороший муж и отец!.. В кооперативном гастрономе на площади он обязательно покупал колбасу, ма-аленький кусочек, и десяток яиц, и молоко, и тогда наутро у них был омлет, райское наслаждение, пища богов! И жена светлела лицом, когда он вынимал десятки с американским президентом, — две он всегда привозил «нетронутыми», шиковал на одну, а разменянные рублики они прятали. Ну, вот просто брали и прятали, куда придется, в карман шубы, если было лето, или в сарафан, если зима. Прятали, чтобы потом «найти»! Какое это было счастье — неожиданно найти в кармане неучтенный рубль, и как это было много!..

Он тогда все время думал лишь о том, как ему добыть денег. Он был совершенно уверен, что, как только он придумает и добудет, его жизнь станет сказочно прекрасной. Счастье, которого и так полно, можно будет просто хлебать ложкой, как щи.

Сорок евро!..

Он придумал, как добыть денег, и добыл их, и только бог знает, чего ему это стоило. Жена ушла — или он от нее ушел, сейчас уже и не вспомнишь, — дочка почти выросла и почти без него, и к сорока годам выяснилось, что счастье — это когда есть два свободных часа и можно заехать к Василию Дмитриевичу, покопаться в пыльном старье, найти непонятную